

В. Полякова

Изменение социальной роли экспертного знания

В истории можно найти разные прототипы социальной роли эксперта, однако сходство между ними является скорее формальным, нежели содержательным. Так, во время господства в производстве коллективных представлений религиозного дискурса жрецы играли ключевую роль в социальном управлении. Но решающее воздействие на развитие экспертизы оказало появление института науки, не участвовавшего в управлении государством и обществом. Отличительные черты науки как раз и легли в основу демаркации экспертизы, как будет показано ниже. Сегодня “эксперт – это человек, реализующий свою социальную функцию экспертного оценивания, экспертного суждения и свидетельства на основании обладания универсалистским, теоретически нагруженным знанием, легитимированным в определенном сообществе” [Кожанов. 2006. С. 293].

Экспертное знание укоренено в обществе на двух основаниях. С одной стороны, оно, как и любое другое, социально обусловлено, с другой стороны, экспертность должна публично удостоверяться сообществом специалистов в определенной сфере. Таким образом, специфику экспертного знания в сравнении с другими видами коллективных представлений составляет его вплетенность в особый институциональный контекст экспертизы. Именно в силу второго обстоятельства экспертное знание можно считать квинтэссенцией социальной практики, которая включает в себя представления об основных закономерностях и схемы специальной практической деятельности, задающие нормативные стандарты в сферах своего “влияния”.

Сегодня значительная часть повседневного знания есть производная от экспертного, кото-

рое обеспечивает своеобразный каркас поведения и составляет основу принятия решений. Оно создает определенную структуру, посредством которой оценивается реальность. Также экспертное знание выступает в качестве “фиктивного” товара, как мог бы выразиться К. Поланьи, необходимого для оптимизации временных и интеллектуальных затрат. Само развитие экспертизы оказывает существенное влияние на социальную практику, проявляющееся не только в сфере знаний, но и в институционально-ролевом контексте. В связи с этим необходимо прежде всего ответить на вопросы, кто такие эксперты, какова специфика взаимодействия эксперта и дилетанта и в чем проявляется влияние общества на экспертов и на форматы знания.

Становление научной экспертизы: специализация и доверие к искателям истины

В обществах со слабой социальной дифференциацией задача носителей знания, детерминирующего мировоззрение других людей, заключается в обеспечении базового согласия и стабильности общества; от них не требуется разработки инноваций и продвижения развития. При социальной однородности приоритет отдается традиции, вменяющей членам общества строго определенные обязанности, а знание является принципиально *закрытой от непосвященных* сферой.

По мере того как углубляется социальная дифференциация, усложняется институциональная структура общества и его взаимодействия с окружающим миром (природой), возникает потребность в новых механизмах общественной регуляции. На определенном этапе выделяются научные экспертные сообщества, от

которых требуют инноваций и претворения замыслов по преобразованию природы и общества. Практическая направленность экспертного знания легитимирует существование экспертного сообщества, а его вовлечение в сферу экономики делает необходимой постоянную экспериментальную проверку добываемых сведений.

В истории становления института науки особое место занимает Ф. Бэкон. Именно его идеями вдохновлялись организаторы новых академий: Лондонской, Парижской, Берлинской и Санкт-Петербургской [Сапрыкин, 2000]. Предложенные в бэконовских философских работах “Новая Атлантида”, “Новый Органон” и других проекты научного сообщества (“Дома Соломона”) оказали влияние практически на всех ученых, государственных и общественных деятелей, занимавшихся преобразованием науки в XVII–XVIII веках. В рамках его проекта предполагалось, что:

- королевская власть будет покровительствовать научному сообществу,
- ученые будут участвовать только в решении научных вопросов,
- научное сообщество будет достаточно открытым.

Решение о распространении тех или иных знаний оставалось за членами сообщества – они не должны были допускать к этим знаниям лю-

дишь посвященным, утверждая тем самым необходимость просвещения для получения доступа к знаниям.

Организация научного сообщества предполагала иерархию, подобную монашеским орденам иезуитов, однако в Научном Ордене различие между его верхними и нижними слоями в функциях и уровне компетенции (и компетентности) не должно было приводить к формированию отдельной касты посвященных. Все члены Научного Ордена равны перед лицом Науки, как верующие перед Богом.

Разграничение сфер полномочий среди ученых стало водоразделом между экспертами старого и нового типов¹. Эксперт нового типа претендует на компетентность в строго определенной сфере. При этом претензии на соответствующий статус (например, ученую степень в конкретной дисциплинарной области) получают легитимацию только по итогам публичного обсуждения его научных достижений.

Анализ принципов профессиональной и научной этики в классической социологии фокусировался на внутренней институциональной организации науки². Ученых экспертов отличает относительная автономность от власти и общества, которая уравнивается коллективной ответственностью за соблюдение разделяемых научным сообществом методологических стандартов. Граница между учеными (и экспертами), с одной стороны³, и профанами – с другой – это граница между знанием и невежеством.

Претензии научного сообщества на монопольное обладание знанием вызвали критику, в рамках которой подвергается сомнению легитимность влияния научного знания на общество и ставится проблема демократичности взаимодействия науки/экспертизы с некомпетентной аудиторией. Анализ взаимодействия общества с экспертами привел некоторых исследователей к выводу, что ограниченность наших интеллектуальных возможностей вынуждает нас прибегать

Экспертное знание укоренено в обществе на двух основаниях. С одной стороны, оно, как и любое другое, социально обусловлено, с другой – экспертность должна публично удостоверяться сообществом специалистов в определенной сфере

дей, не способных правильно их использовать. При этом Ф. Бэкон отвергал идею “тайного знания”, получаемого из источников, доступных

¹ Отметим, что среди экспертов старого типа к новому типу наиболее близка профессия врача на этапе зарождения медикалистской медицины, получившая впоследствии широкое признание. Наиболее же резкие различия проявляются при сравнении с практикой шаманизма.

² См., например: [Merton. 1973; Garber. 1968; Парсонс, Сторер] и др.

³ Разделение понятия ученого и эксперта необходимо, т.к. они далеко не всегда совпадают.

к услугам экспертов: “дилетант эпистемически зависим от эксперта во всем, кроме тех областей, где он сам является экспертом” [Hardwig. 1985. P. 336]; или вообще находиться во власти знания последних [Fuller. 1986]. Дж. Хардвиг акцентирует внимание на функциональном аспекте, а именно – на удовлетворении экспертами потребности в знании, которое дает им определенные преимущества, тогда как С. Фуллер, наоборот, подчеркивает опасность дисфункции, поскольку зависимость дилетанта от эксперта в принципе чревата экспертным произволом. С позиции последнего обращение дилетантов к экспертам нерационально ввиду расхождения интересов экспертов и широкой аудитории. Знание дает экспертам власть, и для достижения господства эксперты создают “закрытые системы” [Fuller. 1986].

В контексте взаимоотношений дилетанта с экспертом очевидна проблематичность доверия между ними. По мере дифференциации общества, а вместе с ним и дифференциации экспертных сообществ, оказывается, что институт экспертизы для своего существования нуждается в дилетанте. Это дает дилетанту ресурс автономности, используя который он может как минимум не позволить экспертному знанию вновь установить над ним абсолютную когнитивную власть. В условиях специализации экспертного знания у дилетанта появляются шансы выразить сомнение при взаимодействии с экспертами, хотя экспертизе как таковой он вынужден доверять. Б. Барбер выделяет три уровня доверия, необходимые для функционирования социальных институтов – в частности, научной экспертизы:

1) базовое доверие к абстрактным системам культуры, обеспечивающее стабильность общественной системы: вера в идеалы, например в научное знание;

2) фидуциарное (fiduciary) доверие, связанное с ожиданием, что облеченные полномочиями эксперты будут выполнять общественные обязанности, а не отдавать приоритет своим частным интересам;

3) ожидание, что заявляющий о своей принадлежности к экспертам специалист обладает соответствующей компетентностью [Barber. 1983. P. 9].

Базовое доверие между некомпетентной аудиторией и экспертами обеспечивает фундамент для существования экспертизы. Общественное разделение труда вынуждает дилетантов обращаться к экспертам. Остальные два уровня проявляются непосредственно во взаимодействии с экспертами при условии, что “отдельные

В условиях специализации экспертного знания у дилетанта появляются шансы выразить сомнение при взаимодействии с экспертами, хотя экспертизе как таковой он вынужден доверять

сбои” в системе не подрывают доверия дилетантов и они по-прежнему высоко оценивают шансы получить от экспертов услуги требуемого качества. Доверие второго и третьего уровней предполагает ролевую взаимозаменяемость экспертов в рамках системы экспертного знания, однако именно эта предполагаемая взаимозаменяемость позволяет дилетанту активно выстраивать отношения с экспертами. Во-первых, у него есть возможность сравнивать разных экспертов на основе рекомендаций других дилетантов, вступавших с ними во взаимодействие, во-вторых, он может сравнивать заключения разных экспертов. В целом доверие к экспертизе обусловливается фоновыми ожиданиями, что эксперт будет соблюдать “правила игры” и продемонстрирует компетентность, а также оценкой эффективности прошлых взаимодействий с другими экспертами в соответствующей области.

Колонизация лабораторией повседневности: знание – полезно

В 70–80-е годы XX века на смену классической парадигме пришла социология научного знания “второй волны”, которая пересмотрела нормы научной деятельности с учетом влияния социально-политического контекста. В рамках этой научно-исследовательской программы анализу подвергается прежде всего легитимность научного знания и экспертного авторитета не внутри научного сообщества, а в широком общественном контексте.

Производство научного знания исследуется в идеально-типическом контексте лаборатории, а специфика лаборатории состоит в том, что внутри нее изучаемые процессы полностью подчинены контролю ученых. Перенесение режима научной лаборатории в социальный контекст трансформирует общество, обеспечивая условия для формирования новых социальных практик. Процесс легитимации полученного в лаборатории знания, по Латуру, включает в себя три стадии:

1) привлечение внимания общественности к исследованию – демонстрация актуальности проблемы;

2) появление важной для различных групп населения информации о результатах, полученных в лабораторных условиях, – формирование заинтересованности в получении результатов;

3) распространение лабораторной практики (полученных результатов и способов их применения) на внешний мир – легитимация и институционализация научного знания посредством демонстрации обществу того, что многократно было отрететировано в лаборатории [Латур. 2002].

Поскольку успешное применение полученных результатов требует создания лабораторных условий (например, соблюдения чистоты), мир превращается в лабораторию. Тем самым новое, в некотором смысле, знание способствует социальным изменениям и утверждается в качестве объективного факта. Определенные социальные группы получают новые возможности для реализации своих интересов, создаются новые организации, модифицируется система знаний о соответствующих феноменах. Так, открытие Л. Пастером вакцины против сибирской язвы изменило систему сельского хозяйства во Франции, увеличило прибыль фермеров, сборщиков налогов, ветеринаров, администраторов и землевладельцев. Любое новое знание, получившее признание и внедренное различными социальными институтами, порождает аналогичный процесс. В этом контексте ученый и эксперт воспринимается прежде всего как агент, обладаю-

щий способностью “быть компетентным выразителем сил, с помощью которых формируется общество” [Латур. 2002. С. 229]. Данная характеристика имеет ключевое значение при анализе социальной роли эксперта, который неизбежно соприкасается с политикой, включающей в себя “все социальные отношения и события, которые оказывают существенное влияние на жизнь социальной общности” [Формы политической власти. 2002] и выражающейся в любых действиях людей, направленных на изменение или сохранение условий своей жизнедеятельности.

Эксперты – не волшебники и не фокусники, они не создают иллюзий. Поскольку иллюзии, как правило, быстро рассеиваются, они несовместимы с идеей стабильности, необходимой для выработки определенных стандартов, без которых подрываются основы институционализации знания.

Процессы индустриализации, капитализации и урбанизации породили глобальные социальные изменения. Эти изменения привели к тому, что производство культуры и знаний рационализировалось и бюрократизировалось, приобрело массовый характер⁴. Отличительная характеристика современного развития – повышение важности знания и информации, а соответственно и значимости их “носителей”, которые имеют высокий уровень абстрактного формального образования и в идеале должны быть ориентированы на служение обществу, следовать нормам профессиональной этики и быть относительно автономными. Т. Парсонс подчеркивал, что олицетворением нашего времени является фигура профессионала [Парсонс. 1997. С. 131].

Научно-технический прогресс способствовал существенному ускорению темпов жизни. В результате растет изменчивость и гибкость социальных форм, сжимаются географические и временные дистанции, происходит виртуализация жизненных сфер и т. д. При этом локальные, традиционные социальные формы вовлекаются в процессы глобализации, подчиняющие

⁴ Эти процессы затронули практически все общества, хотя и необязательно в полной мере. Для вступления в “глобальную систему” достаточно отвечать ограниченному набору требований. Так, первоочередной задачей модернизации являются минимальные изменения, которые позволяют заявить о своей конкурентоспособности, отличить себя от тех, кто находится за пределами глобальной политической и экономической игры.

социальные институты определенной логике, что позволяет им адаптироваться к окружающим условиям и не исчезнуть.

В этом контексте многие исследователи заявляют о формировании информационного общества – общества знания и экономики знаний. “Понятие информационного общества основывается на достижениях технологии” [К обществам знания. 2005. С. 19]. Так, компьютеризация обеспечила новые возможности для обработки информации и коммуникации в сферах бизнеса, науки и повседневных контактов. В связи с этим увеличивается роль информации и знания в жизни общества, растет доля информационных коммуникаций, продуктов и услуг в ВВП, формируется глобальное информационное пространство, обеспечивающее доступ к мировым информационным ресурсам. При этом собственно знание как результат определенной работы с информацией теснее вовлекается в экономический обмен, в котором оно оценивается с утилитарной точки зрения.

Вместе с формированием экономики знаний меняется система производства, накопления и распространения знаний, связанная с функционированием института экспертизы. П.А. Дэвид и Д. Форэ подчеркивают, что при ускорении процессов создания, накопления и обесценивания знаний значительно возрастает роль организаций, которые занимаются их производством и распространением, будь то высокие технологии или результаты исследования различных аспектов социума. Эти организации

оказывают услуги по проведению экспертизы [Дэвид, Форэ. 2003].

Если в картине мира Просвещения знание выступало как абсолютная ценность, то теперь актуализируется идея “полезного знания” (useful knowledge), ограниченного конкретной сферой применения и отвечающего принципу коммерческой оборачиваемости. Нико Штер, анализируя специфику общества знания, указал на то, что сегодня знание – это не только ключ к разгадке тайн бытия, но и способ его формирования, то есть “способность к действию” [Штер. 2002]. Массовизация знания происходит через его включение в сферу экономики. В частности, всеобщее образование явилось одним из самых значимых последствий индустриализации. Рост потребностей в квалифицированных кадрах постепенно создал условия для развития рынка образовательных услуг, что в итоге привело к подчинению рыночным законам сферы образования и науки. Массовизация знания заставила ряд исследователей переосмыслить легитимность университета в условиях распространения высшего образования и развития рынка образовательных услуг [Лиотар. 1998; Барнетт; Покровский].

Параллельно происходит снижение (но не уничтожение) автономии ученых. Так, Браверманн, говоря о деквалификации как об отчуждении от продукта своего труда, отмечал, что деквалификации профессионалов препятствует наличие у них необходимой для работы специальной компетенции, которая служит прочным связующим звеном с результатами труда⁵. В этих

⁵ В ситуации с низко- и неквалифицированным трудом фрагментация и конвейеризация деятельности неизбежно приводит к отчуждению продукта от работника.

условиях депрофессионализация выражается лишь в качестве ограничения профессионала его ролью в организации, требующей подчинения ее правилам и иногда отхода от классических норм профессионального этоса [Абрамов]. Внутри организации деятельность профессионала ограничена определенными рамками, заданным ритмом. С научным знанием происходит примерно то же самое. “Ученых, техников и аппаратуру покупают не для того, чтобы познать истину, но чтобы увеличить производительность” [Лиотар. 1998. С. 112]. Цель эксперта – привлечь внимание различных групп, убедить их в том, что их интересы совпадают с его интересами, обосновывая тем самым полезность собственных знаний. При этом задача эксперта – ограничить сферу своей компетенции, в которую другие акторы не должны вмешиваться.

Существование (и развитие) основанной на знаниях экономики является неотъемлемой чертой современных обществ, однако дает ли это право уже сейчас называть их обществами знания? В настоящее время “общество знания” скорее представляет собой проект социального развития. Для его реализации недостаточно того, чтобы бизнес-организации привлекали внешних экспертов из профессиональных сообществ. Необходимо объединить усилия экспертов, профессиональных пользователей информации и широкие круги заинтересованных акторов, чтобы устранить неравенство доступа к информации и знанию, неравномерное развитие знания в различных отраслях экономики, по-новому определить права интеллектуальной собственности, восстановить доверие “дилетантов” к экспертам, преодолеть фрагментацию знания, устранить угрозы манипулирования информацией и проч. Как подчеркивают эксперты ЮНЕСКО, основу общества знания составляют не технологии, а расширение прав и возможностей человека. Тем самым утверждается демокра-

тический фундамент концепции общества знания [К обществам знания. 2005. С. 29].

Экспертное знание и практика: колонизация лаборатории потребителями?

В условиях развития и увеличения числа разнообразных сообществ к экспертной оценке подключаются также лица, не являющиеся дипломированными специалистами, но обладающие определенным опытом, который может быть востребован при оценивании ситуации и принятии решений. Если сертифицированные эксперты в основном оперируют теоретическим знанием, то эксперты-практики – знанием, получаемым в процессе непосредственной практической деятельности, но подвергающимся определенной систематизации и генерализации. При этом статус эксперта-практика, как и сертифицированного эксперта, зависит от эффективности применения его оценки, а знание экспертов обоих типов является изоморфным одно по отношению к другому.

Однако практический эксперт еще не является полноправным членом экспертного сообщества. Его статус зависит от признания его права на экспертизу. Понятие практической, или публичной, экспертизы, введенное Г. Коллинзом и Р. Эвансом [Collins, Evans. 2002], требует уточнения ввиду того, что она оценивается как канал непосредственного взаимодействия экспертов и аудитории (интеракционистская экспертиза) для повышения эффективности экспертизы и производства. Важную роль публичная экспертиза играет, в частности, в сфере производства товаров массового потребления, где надо выявлять предпочтения покупателей и оперативно ликвидировать недостатки продукции.

Использование практической экспертизы можно сравнить с применением качественных методов сбора информации. Возьмем для при-

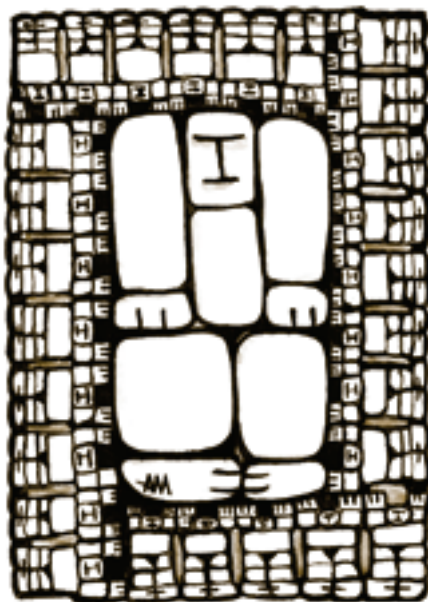

Табл. 1. Классификация агентов публичной экспертизы

Тип “эксперта”	Вид знания	Роль в экспертизе	Пример
1. Пользователь, потребитель	обыденное, неформальное	посредник или источник информации	респондент
2. Продвинутый пользователь	экспертное, формальное, построенное на абстрагировании и обобщении	формулирование проблемы и возможных способов ее решения	консультант по обнаружению технических недостатков в программном обеспечении

мера мобильные телефоны, оснащение которых постоянно усложняется. Чтобы решить, какие функции стоит добавить, часто прибегают к групповым фокусированным интервью с людьми, активно использующими уже имеющиеся возможности телефонов. Подобным образом выявляются целевые аудитории новых изделий. В этих случаях публика рассматривается в качестве экспертов, чья компетентность сводится к определенному набору предпочтений. Г. Коллинз и Р. Эванс предложили различать два типа агентов публичной экспертизы (табл. 1).

От эксперта первого типа, которого таковым можно назвать лишь условно⁶, требуется только узнать его *мнение*, а оценкой мнений и дальнейшим планированием занимаются уже другие люди. У эксперта второго типа должны быть специфические технические и практические навыки, позволяющие ему формулировать проблему и предлагать конструктивные пути ее решения. Если “продвинутые пользователи” еще могут надеяться когнитивным авторитетом, то “обычные пользователи” явно лишены такой возможности. Следовательно, публичная экспертиза отчасти сводится к изучению общественного мнения.

Однако помимо сферы массового потребления широкую публику можно привлекать и к оценке узкофункциональных технологий и других специфических проблем, в частности, к решению социально-политических вопросов и стратегическому планированию на предприятиях. В данном случае проблемой является разное видение ситуации, например, работниками и работодателями. Для ее устранения требуется привлечение специалистов по стратегическому планированию, которые сопоставляют взгляды сторон и находят приемлемые варианты разре-

шения ситуации. Подобную экспертизу можно назвать интерактивной.

Несмотря на все недостатки публичной экспертизы, сам этот феномен является весьма показательным для анализа трансформации института экспертизы в современном обществе. Это продукт функционирования экспертов, однако стремление несертифицированных экспертов к получению права на экспертизу может привести к возобновлению научных дебатов и переопределению ситуации.

Между тем экспертиза, основанная на практическом опыте, применима не только в сферах, занятых учеными и дипломированными экспертами, но и в новых видах деятельности, которые находятся только на пути к профессионализации. Здесь публичная экспертиза может использоваться в качестве меры дополнительного контроля и повышения эффективности экспертного знания. При этом создается ситуация “передвижной лаборатории”, которую можно использовать там, где это требуется эксперту.

Шейла Ясановф [Jasanoff, 2003] утверждает, что функционирование экспертизы жестко обусловлено конкретно-историческим, культурным и политическим контекстами. Возникновение статуса эксперта в той или иной сфере деятельности обусловлено потребностью в определенном знании для достижения конкретных результатов. Люди, способные добиться практических результатов, сначала наделяются статусом экспертов просто в силу разделения труда, но затем они вступают в “политические игры”, чтобы бороться за эпистемическую власть. Это происходит, когда экспертность начинают удостоверить не только сами профессионалы, но и те, кто непосредственно их контролирует, например менеджеры.

⁶ Стоит отметить, что Г. Коллинз и Р. Эванс так не считают.

Экспертиза решений, имеющих общественную значимость, подчинена специальным институциональным императивам. Сначала выносятся вопросы о том, что считать релевантным знанием, а уже потом – кто этим знанием обладает.

В научной сфере оформление “нормальной науки”, являясь результатом достижения определенного согласия сторон, создает стабильную среду, в которой экспертная оценка получает всеобщее признание. Иллюстрацией того, как достигается стабилизация внешней среды, может послужить проведенный Ш. Ясанович анализ создания судебного прецедента по поводу негативного влияния силиконовых имплантатов на женское здоровье. Появление новых фактов, не учтенных в ходе научных разработок, вызвало бурную реакцию не только в научной среде, но

Цель эксперта – привлечь внимание различных групп, убедить их в том, что их интересы совпадают с его интересами, обосновывая тем самым полезность собственных знаний

прежде всего – среди общественности. К началу первой волны судебных разбирательств, посвященных оценке личного ущерба, в научной литературе имелось мало информации о последствиях таких операций. Один из аргументов истцов состоял в том, что имплантацию стали проводить до принятия соответствующего законопроекта. В результате ученые стали активно исследовать влияние силиконовых имплантатов на организм. На повестку дня были вынесены вопросы, которые требовали экспертных заключений: может ли такое вмешательство привести к заболеванию, если да, каковы возможные размеры компенсации за нанесенный ущерб. По мере увеличения числа исков некоторых свидетелей стали привлекать в качестве экспертов на основании их опыта. Появление все новых данных о наличии или отсутствии негативного воздействия имплантатов сопровождалось изменениями в составе истцов и предмета исков. Наконец, после классификации и обобщений сформировались устойчивые практики, регулирующие соот-

ветствующие отношения, то есть произошла институционализация конкретных отношений. Когда в результате судебного процесса было определено, какая из систем знаний заслуживает социального признания, наступила стабилизация среды. Активное использование публичной экспертизы привело к укреплению оснований собственно экспертного знания и повышению эффективности его использования.

На основании изложенного сюжета выделим этапы функционирования экспертизы, связанной с привлечением публики:

- 1) появление новых фактов, которые нельзя достоверно объяснить или оценить без длительного изучения, – *проблематизация экспертного знания*;
- 2) бурная реакция общественности, сопровождаемая выжидательной стратегией экспертов, – *сбор новой информации*;
- 3) обращение к непосредственному источнику информации – *публичная экспертиза*;
- 4) выход экспертизы за границы узкого экспертного сообщества – *появление экспертов-практиков*;
- 5) классификация и обобщение новых случаев – *активизация узкого экспертного сообщества*;
- 6) *институционализация* нового знания;
- 7) *стабилизация* внешней среды и “*закрытие границ*” узкого экспертного сообщества от экспертов-практиков.

Таким образом, вовлечение публики в практику экспертизы (в качестве потенциально полноправного члена сообщества или информанта) приводит к новому укреплению границ между социальными ролями эксперта и дилетанта. Можно сказать, что современное общество – это общество институционализации экспертизы.

Заключение

Итак, экспертное знание является системным фактором общества, одновременно и источником, и продуктом коллективных представлений об устройстве мира. По мере усложнения социального устройства изменяются и социальная роль экспертов, и практика экспертизы. В частности, произошло отделение эксперта от непосредственной

власти, экспертное знание десакрализировалось – в результате стало возможно ставить вопрос о доверии к экспертам, о легитимации знания.

Оказалось, что доверие как фундаментальный элемент любого социального института в сфере экспертизы укрепляет границы между экспертами и дилетантами, а по мере вовлечения экспертного знания в экономическую сферу эти роли подвергаются еще большей формализации. Когда функционирование экспертов подчиняется принципам утилитаризма и массовизации знания, происходит институционализация экспертизы как практики взаимодействия экспертного сообщества с внешними агентами. При этом экспертиза, основанная на формальном (научном) знании, играет особую роль.

Экспертное знание, эффективность которого можно продемонстрировать широкой ответственности, порождает социальные и политические изменения, открывает новые возможности реализации интересов определенных социальных групп, формирования новых организаций, использующих плоды новых технологических разработок. Экспертиза способствует превращению мира в лабораторию. С одной стороны, реализация определенных прогнозов возможна только при соблюдении соответствующих правил, выработанных в лабораторных условиях (в области как естественных, так и социальных наук). С другой – по мере роста социального значения экспертного знания вовлечение общественности в процесс экспертизы становится важным механизмом институционализации знания.

Литература

- Barber B.* The Logic and Limits of Trust. New Brunswick: Rutgers University Press, 1983.
- Barber B.* The Sociology of Science / International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y.: The Macmillan; The Free Press, 1968. Vol. 13. P. 92–100.
- Collins H.M., Evans R.* The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science. 2002. Vol. 32. № 2 (April). P. 235–296.
- Fuller S.* Social Epistemology. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1986.
- Hardwig J.* Epistemic Dependence // The Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82. No. 7. P. 335–349.
- Jasanoff S.* Breaking the Waves in Science Studies: Comment on H.M. Collins and Robert Evans, “The Third Wave of Science Studies” // Social Studies of Science. 2003. Vol. 33. № 3 (June). P. 389–400.
- Merton R.K.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. by Norman W. Storer. Chicago: University of Chicago Press, 1973.
- Абрамов Р.Н.* Предисловие к переводу: Марксистский анализ трудовых отношений в современной корпорации: интерпретации Г. Браверманна; www.sociology.ru/forum/pdf/Brav_for_02_14.pdf
- Барнетт Р.* Осмысление университета (По материалам инаугурационной профессорской лекции, прочитанной в Институте образования Лондонского университета 25 октября 1997 года. Перевод Р. Гайлевича); <http://cbarko.narod.ru/tekst/alm1/barnet.html>
- Дэвид П.А., Форэ Д.* Экономические основы общества знания / Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Том 1. № 1. К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: ЮНЕСКО, 2005; www.ifap.ru/library/book042.pdf
- Кожанов А.А.* Анализ экспертного знания и социальной роли эксперта как автономная предметная область современных социальных исследований науки / Социологические этюды: сборник статей аспирантов. М.: ИС РАН, 2006. С. 293–305.
- Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 211–242.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейа, 1998.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Парсонс Т., Сторер Н.* Научная дисциплина и дифференциация науки / Социология науки. Учебное пособие. Составитель Э. Мирский. 2000; <http://courier.com.ru/pril/posobie/0.htm>
- Покровский Н.* Корпоративный университет: утопия, антиутопия или реальность? <http://www.russ.ru/culture/education/20040805.html>
- Сапрыкин Д.Л.* “Научный орден” Фрэнсиса Бэкона: зарождение научного общества нового типа // Науковедение. 2000. № 3. С. 194–208.
- Формы политической власти: концептуальный аспект // Вестник ИГЭУ. 2002. № 2.
- Штер Н.* Мир из знания / Пер. с нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 2002. № 2.